

Е. В. БАРЫШЕВА

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА СОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА 1920–30-х ГОДОВ 7 НОЯБРЯ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

В статье рассматривается отношение населения России в первые десятилетия советской власти к попыткам власти создать унифицированную эмоциональную атмосферу путем вовлечения его в государственные праздничные торжества. Анализ архивных материалов позволяет выявить широкий спектр отношения масс к внедряемой потестарной идеологии. Донесения осведомителей и сотрудников ОГПУ, информационные сводки о политических настроениях в обществе представляют картину сложного характера диалога власти и общества. Большинство представленных в статье архивных материалов публикуется впервые.

Ключевые слова: советская власть, государственные праздники, демонстрация, 7 ноября, политические настроения, информация ОГПУ

В эпоху становления и торжества идеологии большевистской власти большинство «простых людей» приняли эту власть на уровне повседневной жизни. Но, было ли восприятие новой власти безоговорочным, трудно понять только на основании официальных пропагандистских материалов. Обращение исследователей к иного рода источникам – обращениям и письмам «во власть» – дает понимание тех политических настроений, которые бытовали в среде рабочих и крестьян¹.

Донесения осведомителей и агентов ОГПУ, информационные сводки для служебного пользования и т.д. позволяют высветить ответную реакцию населения на давление идеологии режима. Здесь было место и критике, и недовольству, и разочарованию, и внутреннему протесту. Особенно наглядно это проявляется в отношении разных слоев общества к праздничному бравуру. Советская пресса, кинематограф, фотографии запечатлели в памяти улыбающиеся лица советских людей на октябрьских и первомайских демонстрациях, цветы, плакаты, лозунги на красных полотнищах и портреты вождей. Приподнятое настроение, коллективная радость, особенно в дни государственных празднеств создавали впечатление благополучной счастливой жизни и прекрасного будущего. Но документы того времени говорят голосами современников о совсем другом отношении советских граждан к праздничной эйфории:

– «Вот завтра нас погонят, похлебаем пыль то. Уж 13 лет живем при Советской власти, и каждый год гоняют»² (1930 г.).

¹ Лившин 2010; Лившин, Орлов 2002; Письма во власть...; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД...; Суrowцева 2008 и др.

² Центральный архив ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 158.

– «Кругом кажется весело, а на самом деле это все дутое настроение, а не искреннее»³;

– «На демонстрацию идешь и душа выворачивается, начальство качают, дурной русский народ за кусок хлеба, флажок и карточку дает с себя шкуру драть и думает, что стал хозяином»⁴ (1934 г.).

Эти голоса оказались доступны в результате отложившейся в архиве скрупулезно собираемой органами госбезопасности информации о положении дел в стране в целом и о настроениях населения. Специально созданное информационное отделение ОГПУ ежедневно составляло сводки о настроениях населения, а ежемесячно делало обобщающие обзоры положения в стране. Государственная машина проникала во все сферы жизни, фиксируя проявления недовольства и даже сомнения граждан по отношению к политике партии и правительства и к руководству страны⁵.

К сожалению, нет возможности проследить по документам в полной мере динамику изменения отношения к празднествам. Однако и тот материал, который стал доступен, дает представление о неоднозначности этих мероприятий для советского населения. Многочисленные публикации в средствах массовой информации того времени свидетельствуют о том, что празднование годовщин революции год от года приобретало все более организованный характер. При этом настроения на предприятиях и в селах находились под пристальным вниманием и не всегда соответствовали благополучным реляциям на страницах официальной прессы. Анализ информационных сводок о настроениях на предприятиях в связи с празднованием годовщин Октябрьской революции и участием населения в первомайских демонстрациях дает представление об отношении населения к этим праздникам в 1920–30-е годы.

Праздники 1 мая и 7 ноября находились в поле особого внимания как главные праздники, призванные решать идеологические и политические задачи. Функции праздников национальных в дореволюционной России выполняли православные праздники (прежде всего Пасха и Рождество), коронации императоров и празднование тысячелетия государственности, 300-летие дома Романовых, которые не были ежегодными. После 1917 года их место стали занимать празднества с подчеркнуто политической составляющей, постепенно вытесняя религиозные праздники из государственного календаря.

Празднование годовщин Октябрьской революции власти считали самым главным и значительным праздником. Готовиться к нему начинали заранее. А к юбилейным датам 10-летия и 15-летия Октября подготовка велась в течение года. Особое внимание уделялось явке.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 45.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 45.

⁵ См.: Севостьянов 2001. С. 17.

С первых лет своего существования советская власть создавала атмосферу большого подъема, с которым проходили праздничные мероприятия. В 1922 г. сообщения с мест пестрели жизнерадостными рапортами: «Празднование пятилетия Октябрьской революции прошло с большим революционным подъемом» (Чувашская область)⁶, (Саратовская и Марийская губернии); «Воодушевление заметно было среди всех групп населения»⁷ (Владимирская губерния). Сводки, более умеренные в оценке, гласили, что празднование Октябрьской революции в этот год прошло «удовлетворительно» или «спокойно» (Калужская, Тульская, Рязанская, Киевская, Смоленская, Рыбинская, Новгородская, Архангельская, Северо-Двинская губернии, Марийская область)⁸.

В тот же год, несмотря на отмечавшийся «большой революционный подъем», в ряде губерний (например, Орловской) отмечалось безразличное «отношение обывателей к празднику»⁹. Об этом свидетельствует и многочисленность участников. Информационная справка ОГПУ сообщала, что в Смоленской губернии из рабочих Пивоваренного завода в октябрьской манифестации участвовало только 70 человек¹⁰.

Во многом отношение граждан к государственным праздникам определялось экономической ситуацией. С мест приходили тревожные сообщения: голод в деревне и вследствие этого «неудовлетворительное» настроение крестьян, безработица в городах, отрицательное отношение к советской власти и компартии, уголовный бандитизм, случаи голодной смерти, людоедства. Это закономерно сказывалось на настроении населения. Рабочие прекращали работу, требуя выдачи продовольствия, как это было, например, на станции Морозовской в Приволжье¹¹, отказывались принимать участие в шествии 7 ноября «под влиянием агитации некоторых лиц»¹². В тех случаях, когда задолженность по зарплате успевали ликвидировать к праздничным дням, отмечалось, что праздник прошел «оживленно» (Вотская область)¹³.

Как создавалась многотысячная демонстрация? Подготовительная работа по сбору участников на демонстрацию проводилась заранее. На предприятиях организовывались митинги и собрания, на которых руководители предприятий, фабзавкомы убеждали рабочих выйти в день праздника на демонстрацию. Создавая соответствующую атмосферу революционного праздника, организаторам удавалось достичь высокого

⁶ «Совершенно секретно» 2001.

⁷ Там же. С. 348.

⁸ Там же. С. 349, 350, 357, 361, 362, 373, 401, 405, 424, 431, 434.

⁹ См.: там же. С. 348.

¹⁰ Там же. С. 401.

¹¹ См.: «Совершенно секретно». С. 100.

¹² См.: там же. С. 342.

¹³ См.: там же. С. 357.

процента явки рабочих и служащих на праздничную демонстрацию. Об этом свидетельствуют информационные сводки ОГПУ с мест. Так, в Москве по сводке Комиссии ОГПУ в связи с празднованием годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1925 г. на демонстрацию вышло 370 тыс. москвичей¹⁴, а в 1926 г. в демонстрации «по приблизительному подсчету колонн» принимало участие только 202 тыс. чел.¹⁵, а по более поздним подсчетам – 208,5 тыс. чел.¹⁶ Празднование 10-й годовщины Октябрьской революции в 1927 г. по ряду крупных промышленных центров прошло при участии 70-80% (а иногда и 100%) рабочих¹⁷.

В других городах Союза статистика участников свидетельствовала также об активном участии населения в праздничных демонстрациях. Так, в Харькове общегородская демонстрация 7 ноября 1929 г., как отмечалось в спецсводке ГПУ УССР, «прошла при большом количестве участников». Процент явок на сборные пункты составил по крупнейшим предприятиям до 80%, а по более мелким предприятиям явка рабочих доходила до 100%¹⁸.

В 1934 г. в соответствии со справкой секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности об итогах проведения Октябрьских празднеств по всему Советскому Союзу, адресованной Народному комиссару внутренних дел Ягоде, явка была уже более масштабной: на улицы Москвы в этот год для участия вышло 1 310 000 чел., Ленинграда – 1 500 000 чел. По другим городам также приводились сведения о высокой численности участников демонстраций (см. табл. 1). При этом надо учитывать, что 1933–1934 годы были годами демографического кризиса.

Доскональный подсчет числа участников свидетельствует о том, что власти важно было 100% участие как доказательство своей легитимности и поддержки населения. Добивались этого различными способами. Многие рабочие искренне верили, что это их праздник, а разрядка после большого числа рабочих дней давала им иллюзию отдыха. В связи с этим в 1926 г. негативную реакцию вызвало решение правительства проводить празднование Октябрьской революции только один день вместо обычных двух. В связи с этим на предприятиях Москвы рабочие говорили: «Мало кто пойдет на демонстрацию, т.к. на ней устанешь и отдохнуть некогда, потому что в понедельник надо выходить на работу» (завод «Серп и Молот», 4323 рабочих). А те, кто собирался выйти на демонстрацию, не хотел выходить на работу 8 ноября, указывая, что «один из пролетарских праздников не дают возможности праздновать, т.к. 7-го

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

¹⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 31.

все будут на демонстрации, не будет времени, когда отдохнуть» (фабрики Москвошвей № 4 и № 8, соответственно 900 и 450 рабочих; Фармацевтический завод «8 марта» – 400). Согласно сводкам, недовольные рабочие считали, что у них отнимают их революционный праздник: «от своего праздника отступаем», «зачем отнимают у нас праздник», «пойдем на демонстрацию, устанем, а в понедельник идти на работу», «за что боролись», «а теперь праздновать, в связи с режимом экономии, нельзя». Слухи о том, что 7 ноября театры будут работать за плату, тоже вызывали возмущение рабочих (заводы «АМО», 1300 рабочих; «Динамо», 1242 рабочих; «Тресоединение» – 346 рабочих; «Парострой» – 386).

Зачастую недовольство отменой одного дня празднования увязывалось с общим недовольством устройством праздничного календаря. К середине 1920-х, когда большинство церковных праздников было упразднено, среди рабочих распространилось мнение, что продолжительность рабочего времени по сравнению с дореволюционным периодом увеличилась: «т.к. в настоящее время хотя и 8-часовой рабочий день, но по количеству рабочих дней гораздо больше: если проработанные в год человекочасы сравнить с человекочасами за тот же срок старого времени, то получится не 8-часовой, а 10-часовой рабочий день». Рабочие говорили, что «Соввласть с каждым годом урезает, как религиозные, так и революционные праздники, и в скором времени рабочим совершенно не будет предоставляться дня отдыха». Высказывались опасения, что после того как отменили («отняли») религиозные праздники, стали отнимать и революционные: «Большая половина церковных праздников не празднуется, постепенно отнимают и революционные дни... Когда работали у частных, праздновали все церковные праздники, а теперь нет»¹⁹ (1-ая ф-ка «Москвошвей» имени Коминтерна, 810 ч.). Среди рабочих Орехово-Зуевского уезда в связи с празднованием Октября только один день наблюдались разговоры, что «постепенно отнимают все завоевания Октября (Ткацкая ф-ка № 2)», «ужуливают праздничные дни» (Ткацкая ф-ка № 1)», «раньше праздников было больше и жилось лучше (Красильно-Набивная ф-ка)»²⁰. Это вызывало и более решительные настроения. Так рабочие заявляли: «Не пойдем на демонстрацию, пусть идут те, кто отдает такие распоряжения». (машиностроительный завод имени Владимира Ильича, 670 ч.); «Не пойдем на демонстрацию, а будем отдыхать, как воскресный день» (автономная меховая ф-ка «Пролетарский труд», 570 ч.). На заводе «Красный кожевник» (450 чел.) рабочие возмущенные тем, что отменяют объявленные ранее праздничные дни, говорили о стремлении властей сэкономить, «срежимить за счет отдыха рабочих», связывая празднование одного дня с режимом экономии, говорили:

¹⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 5.

²⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 3-4.

«Если бы праздновали два дня, то рабочий мог бы сходить на демонстрацию, на собрание, а на другой день отдохнуть, теперь же на демонстрацию не пойдем, пусть идут сами и несут флаги, а мы будем отдыхать... Воскресение является днем отдыха... Коммунисты заставляют им не верить, ибо сегодня пишут одно, а делают другое»²¹. Так же были настроены и работники типографий «АОМС» (220 ч.), 39-ой Интернациональной (420 чел.), парфюмерной фабрики «Свобода» (1680 ч.): «Хотя срежимить на одном дне, лучше бы дали рабочим за два дня отдохнуть... Воскресение является днем отдыха, а тут погонят на демонстрацию, получится не празднование и не отдых»²².

Из высказываний рабочих видно, что для многих участие в демонстрации и праздничных мероприятиях было дополнительной нагрузкой к тяжелому труду и рассматривалось ими как неприятная необходимость. Хотя среди рабочих были и сторонники сокращения праздничных дней. Желание заработать, но при этом не ходить на демонстрацию, выразили работники Галантерейно-шорно-седельной фабрики «Пролетарий» (450 чел.): «Это хорошо сделали, что праздновать будут лишь один день, мы побольше заработаем, а на демонстрацию можно и не ходить».

Множество донесений с мест показало негативное отношение рабочих к решению сократить число праздников и заставило власть уже в следующем году отказаться от такой непопулярной меры экономии.

При проведении праздничных мероприятий последующих лет также имел место ряд негативных моментов. Например, несмотря на то, что спецсводка о праздновании XII годовщины в Харькове в 1929 г. сообщает, что оно «прошло вполне удовлетворительно, при благоприятном отношении к нему трудовых масс населения», с особым подъемом в настроении рабочих, сотрудник ОГПУ упоминает и об имевшихся до праздника «отрицательных настроениях на почве продовольственных затруднений», которые почти стухевались непосредственно ко дню праздника. Несмотря на то, что часть рабочих к моменту демонстрации отсеклась, «уйдя неорганизованным порядком ввиду затянувшегося выступления со сборных пунктов», во время демонстрации в трехтысячной колонне ГЭЗ вместе с рабочими шли их жены и дети, «подшефники», красноармейцы и студенты Харьковского технологического института: «Всю дорогу до самой пл. им. Гевелева велись оживленные разговоры, пели песни, и вообще чувствовалось праздничное настроение. Среди рабочих велись разговоры: “Хоть мы и переживаем экономические трудности в стране, однако, мы знаем, что впереди нас ждет лучшее, лишь бы нам удалось осуществить пятилетку, а там у нас будет другая жизнь”»²³.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 5.

²³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 31.

Продовольственные и финансовые трудности (отсутствие заработной платы) оказывали значительное влияние на настроения отдельных групп рабочих. Особую роль сыграли перебои в снабжении продуктами (Тверь, Кострома, Иваново-Вознесенск, Тула). Так, в 1927 г. на Вышневолоцкой мануфактуре (Тверская губ.) некоторые рабочие заявляли: «Мы на демонстрацию десятилетия Октября пойдем с флагом “дайте хлеба”». На собраниях, посвященных X годовщине Октября, задавались вопросы о недостатке продуктов питания. На костромских текстильных фабриках поговаривали, как сообщают осведомители: «У самих продуктов не хватает, а расходуют средства на украшения, делегации и вечера», «продукты сплавил за границу в уплату царских долгов, чтобы откупиться от войны. Готовятся к войне, делают запасы», «попрятали запасы на угощения делегации и банкеты для них, чтобы не опозориться перед иностранцами». Ходили слухи, что нормируют выдачи через кооператив, чтобы заставить вступать всех в кооперацию²⁴.

Запрет на продажу водки с 2 по 8 ноября вызывал особое недовольство рабочих. Так, на ряде фабрик Иваново-Вознесенской губернии рабочие выбрали делегации для предъявления Горсовету требования продажи водки (объединенная Сосневская мануфактура Ивтекстиля), рабочие Петрищевской мануфактуры послали члена Горсовета рабочего Молодина в Губисполком с требованием открытия винной торговли, предупреждая: «Если не дадут вина, мы не пойдем на демонстрацию, пусть идут одни коммунисты». Рабочие Механического завода № 1 заявляли: «если разрешения на продажу спиртных напитков не будет, не пойдем на демонстрацию и 7 ноября выйдем на работу» (Механический завод № 1). А на Прядильной фабрике № 2 Гостреста столяр Рыжов агитировал среди рабочих: «Коммунисты так же, как и старое царское правительство, начинают бояться рабочих, на свои праздники, а также и во все тревожные моменты закрывают торговлю спиртными напитками. Они, видно, чувствуют, что гнев народа за их проделки, эксплуатацию и обман доходит до пределов и может вылиться наружу. Сами они устраивают праздник, агитируют и кричат нам, чтобы мы вместе с ними приняли в праздновании горячее участие, а нас в то же время лишают последнего удовольствия, от которого мы, рабочие, могли бы забыть все недостатки и тяжесть». Рыжов призывал рабочих отказаться от празднования в эти дни, «“пусть коммунисты одни проводят свой праздник”». Часть присутствовавших при этом поддерживали Рыжова»²⁵. В 1929 г. в среде харьковских рабочих сотрудниками ОГПУ были зафиксированы «отрицательные настроения», которые главным образом были вызваны тяжелым экономическим положением на селе и продовольственными затруднениями, так как большинство рабочих были выходцами из сел и

²⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 145.

²⁵ Там же. Л. 146.

оставались тесно связанными с селом. На фабрике им. Тинякова в группе рабочих рабочий Пирогов по поводу празднования XII годовщины высказывался: «Хвалиться за 12 лет революции нечем. Рабочие голодают и мучаются. Советская власть только для коммунистов. Крестьян разорили и сделали их нищими. Власть только кричит о достижениях, но эти достижения боком выходят рабочему и крестьянину. Бухарин правильно говорил, что не нужно жать кулака, тогда будет лучше». Квинтэссенцией подобных высказываний могут служить слова наборщика типографии «Украинский рабочий» Козлова, зафиксированные в информационной справке ОГПУ: «В общем, везде хорошо, а жрать нечего. Вот какие у нас достижения к 12-й годовщине Октября»²⁶.

Еще острее ощущали трудности роста промышленности, страдали от продовольственных затруднений и испытывали большие перебои в получении зарплаты рабочие непромышленных районов. Информаторы сообщали в 1930 г. о ходивших среди рабочих Одессы разговорах: «Кому нужно праздновать Октябрьскую годовщину, кому нужна демонстрация? Я голоден и жрать хочу, а праздник меня не накормит. Пусть празднуют коммунисты» (рабочий завода "Октябрьской революции" Живалевский); «Раньше не было праздников и было лучше – работали или не работали, а деньги платили. А теперь работаешь 8 часов, получаешь гроши, да и тех не платят – вот вам и годовщина Октября» (кузнец Январьского завода Запрувальный)²⁷.

В сельской местности не единичны были случаи, когда члены сельсоветов и активисты отказывались от явки на торжественные собрания и демонстрации, мотивируя это отсутствием обуви и одежды²⁸.

Вызывали возмущение и лишние расходы на организацию и проведение праздников. В деревнях выступавшие на собраниях зачастую говорили о бессмысленных тратах на празднования и предлагали отметить революционную дату конкретным, приносящим пользу делом. Так, в деревне Приведено Гарской волости Ленинского уезда крестьянин-средняк выступил с критикой Советской власти, которая на свою 9-ю годовщину «тратит громадные деньги на проведение празднества, что хотя то и делают, не спрашивая мужика, а спрашивают только тогда, когда собирают налог». Это выступление вызвало дискуссию среди присутствующих, которые предложили: «Лучше было бы построить больницу, назвать ее в честь этого праздника, и пользы было бы больше»²⁹. Экономическое положение страны и в 1927 г. по-прежнему оставляло желать лучшего, и в связи с этим рабочие (в первую очередь малооплачиваемые низкоразрядники и связанные с деревней) высказывались против затрат

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 32.

²⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 818.

²⁸ Там же. Л. 823.

²⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 81. Л. 3.

на украшения к празднику, мотивируя это тем, что «у нас много беспризорных и безработных», «не хватает школ», «лучше бы эти деньги передать на улучшение рабочего быта», «построить дом для рабочих». Эта тема звучала и в разговорах рабочих на Ярославских фабриках: «Наше правительство только и знает, что кидает деньги на пустяки. Эти деньги они лучше бы использовали на улучшение быта рабочих и на постройку жилых домов», «На одни украшения к празднику 10-й годовщины ухлопали 14 тыс. руб., а безработные и некоторые рабочие голодают и живут в сараях, где же тут справедливость». На сталинградском заводе «Красный Октябрь» рабочие, указывая на то, что на проведение Октябрьского праздника было израсходовано 12000 руб, говорили: «тратят напрасно такую уйму денег, лучше употребить их на какое-нибудь полезное дело – на детдома, беспризорных и т.д.»³⁰ В стране царил безработица, поэтому крупные суммы, выделяемые на проведение праздничных мероприятий, вызывали недоумение: «На эти деньги можно было бы многих накормить, зря устроили такие украшения» (Краснодарский обозный завод); «Напрасно делают всякие угощения и украшения, убивая на это бесполезно много средств, лучше бы эти средства обратить на помощь беспризорным или наиболее нуждающимся безработным» (Самарский Водосвет). Безработные, особенно малоквалифицированные и имеющие родственников в деревне, высказывались против затрат на украшения к празднику: «Чем убивать десятки тысяч на украшения – следует улучшить положение рабочих»; «Мы ждем с нетерпением постройки новых фабрик и заводов, а они тратят деньги на разные праздники»³¹.

Высказывались и конкретные предложения: «Не следовало бы тратить средства на украшения, а лучше было бы перебросить их на реализацию займа. Мы не настолько богаты, чтобы раскидывать деньги. Если подсчитать по всему Союзу средства, ассигнованные на проведение праздника, то получится круглая сумма. Целесообразный расход этих средств принес больше бы пользы, нежели украшения. Комиссия по режиму экономии с этими расходами как-то не вяжется» (Оренбургская электростанция). Рабочие завода «Красное Сормово» (Нижний Новгород) критиковали руководство завода за установку памятника Ленину, так как затраченные на него средства можно было бы употребить на постройку жилищ для рабочих. А рабочие Шуйских текстильных фабрик (Иваново-Вознесенская губерния) говорили: «В.И. Ленин был против памятников, он говорил – нужно строить больше школ, больниц, а не памятников, хороших людей мы и так будем помнить... Лучше бы на эти 17 тыс. руб., которые потратили на памятник, начали строить казармы для рабочих, или другое полезное дело. Все эти украшения есть куколь-

³⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

³¹ Там же. Л. 147.

ная комедия, ведь сколько тратят средств, а все – для какой-то кричащей рекламы, лучше бы за эти деньги построить дом для рабочих»³².

Столичные жители, которые наблюдали картину пышных торжеств в еще большем масштабе, чем все остальные, указывали: «Сколько стоит прокормить этих заграничных делегатов, помимо этого устраиваются банкеты, на которые затрачивают большие деньги, а с нас, безработных, вытягивают последние соки – когда пошлют работать, норовят заплатить по 1 р. 60 к.... Если все средства на содержание иностранных делегатов сложить в общую сумму, то их можно было выдать безработным сверх пособия. Сейчас расходуется большие деньги на украшение клубов и зданий, а также и на выписку иностранных делегаций, идейным бы коммунистам нужно было бы протестовать против траты денег, но их (идейных коммунистов) сейчас нет...»³³.

Безработные Новосибирска и Харькова также высказывали свое недовольство расходом денег на украшения в день Октябрьской годовщины: «Советская власть вместо улучшения положения безработных убивает десятки тысяч на украшение города», «Для чего нам нужен этот праздник, когда нам сейчас нечего жрать. Мы сидим по 2 года на бирже, у нас абсолютно нет средств к существованию, а они тратят деньги на разные праздники – прием делегаций, украшения и т.д. Лучше бы эти деньги распределили между безработными, дали по 10 руб. каждому, чтобы безработные могли в эти дни поесть лучше. Они тратят деньги на разные украшения, а безработица при этом все увеличивается. Подумали бы лучше о безработных, а не о шикарных празднествах»³⁴.

Рабочие справедливо опасались, что праздничные расходы неизбежно отразятся на их положении: «Сколько сот тысяч вылетит в нашем городе, да и вообще в СССР на проведение праздника, но это ничего, говорят из расходов, не предусмотренных сметой, да из культфонда, а сейчас же после праздника глядь – перерасход, что делать, давай рабочих сокращать, так оно у нас и делается» (Краснодар)³⁵.

Большинство разговоров рабочих сводилось к тому, что средства, потраченные на проведение праздника, нужно было бы израсходовать на нужды строительства. На харьковском заводе «Серп и Молот» рабочий модельного цеха Михайлов (по донесению агента ОГПУ) говорил: «Зачем это государство расходует такие колоссальные средства на торжества и украшение города? Лучше было бы эти средства использовать на покупку мешков, а то вот государство побирается, у рабочих просит мешки, а деньги тратит, не зная на что, в то время как по станциям хлеб валяется без мешков». Ему ответил на это рабочий с 20-летним произ-

³² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 145.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 147.

водственным стажем Колинов: «Неужели мы не имеем права отметить свои завоевания, отпраздновать октябрьские торжества украшениями улиц, зданий и предприятий? Ведь ты, Михайлов, к празднику Пасхи всегда убираешь комнату и готовишься к празднику, а мы, наоборот, украшаем красный уголок, в котором ты сидишь, украшаем картинами, лозунгами, плакатами и т.д. Это есть воспоминание наших завоеваний. А ты все бузу трешь, тебе все не так. Мы не допотопные люди, мы люди культурные и культурно украшаем свои здания»³⁶ (1929 г. Харьков).

Информаторы ОГПУ приводят слова экономиста фабрики «Сетка» (Москва, 1934 г.) Ю.В. Волкова: «18 Октябрей, 18 маев, много МЮДов (МЮД – Международный юношеский день, отмечавшийся ежегодно в СССР), плюс встречи, похороны. Если подсчитать расходы на все это, в год выйдет сотни миллионов, бросаемых на ветер. На эти деньги можно было бы увеличить оклад жалования и выстроить несколько заводов. Власть же нас, как батраков гонит, подстегивая, по Красной площади»³⁷.

Хотя в сводках и подчеркивалось, что массового характера подобные настроения не имели³⁸, тем не менее, такие выступления были достаточно частыми, как это видно из материалов, хранящихся в архиве.

Негативное отношение к праздничным мероприятиям и критику со стороны как городского, так и сельского населения вызывала и организация мероприятия, и форма подготовки к нему. За несколько дней перед праздниками на предприятиях проводились собрания, на которых разъяснялось значение революции и те лозунги «текущего момента», с которыми демонстранты должны были выйти на улицы и площади советских городов. Однако зачастую в низовых профессиональных и партийных организациях подготовка была слабой, а в некоторых случаях и совсем не проводилась. В докладной записке о реагировании рабочих и крестьян на празднование XIII годовщины Октябрьской революции в Харькове в 1930 г. отмечалось, что «значительная часть низовых профессиональных и партийных организаций не проявила достаточной энергии в подготовке и проведении празднования XIII годовщины Октября. Комиссии по проведению в ряде случаев были выделены с большим опозданием и не сумели развернуть широкой работы, целиком охватывающей рабочих данного предприятия. Следствием такой постановки дела явились недостаточность, а кое-где и полное отсутствие подготовительной массовой работы, посвященной Октябрю, несвоевременная заготовка лозунгов и плакатов, несвоевременное оповещение рабочих о порядке празднования и ряд других организационных недочетов, отразившихся на участии рабочих в торжествах и прохождении праздника»³⁹.

³⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 33.

³⁷ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 71.

³⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

³⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 810.

Особенно плохо была поставлена работа в неиндустриальных районах и среди сезонных рабочих. Например, на Крюковских гранитных карьерах «подготовка к празднованию проходила чрезвычайно вяло, никакой культработы среди рабочих не проводилось, в результате чего рабочие каменоломни решили в дни Октябрьских торжеств устроить коллективную выпивку. В демонстрации почти никто из рабочих участия не принимал, так как многие ушли домой – в село, многие же пьянствовали» (Кременчугский район). Отмечались и случаи, дискредитирующие самих организаторов – профессиональных и партийных работников: так, председатель объединенного шахткома 19-го шахтоуправления явился на торжественное собрание пьяным, доклада сделать не мог и был выведен милицией (Сорокинский район); на вечере, организованном на заводе «Б», вся профессиональная и партийная верхушка оказалась совершенно пьяной и руководить вечером не смогла. (Луганск)⁴⁰.

Имеются интересные сведения за тот же 1930 год и о проведении празднования XIII годовщины Октябрьской революции по району БССР. Докладывая об отрицательных моментах как в подготовительной работе, так и в проведении праздника, сотрудники ОГПУ сообщали о провале собраний, митингов и демонстраций по ряду местечек и сельсоветов; слабой увязке празднования с привлечением населения в колхозы, красных обозов, суботников, выполнением хлебозаготовок, мобилизацией средств населения и т.д. Отмечался также ряд организационных неувязок и шероховатостей в техническом оформлении праздника. Такая неподготовленность отразилась на снижении активности крестьян (особенно крестьян-единоличников) в праздничных мероприятиях, по сравнению с предыдущим периодом. Несмотря на то, что во всех районах были выделены специальные комиссии, в большинстве случаев последние ограничились составлением плана и рассылкой его на места, да и то не все комиссии проделали эту работу своевременно, и планы эти были непродуманными, к их недостаткам относили отсутствие работы по активизации массового участия населения в праздновании и преувеличенное внимание к художественной и торжественной части⁴¹. В самом проведении праздника на основании материалов, собранных по 32 районам Белорусской ССР сотрудниками Информационного отдела ОГПУ, среди недочетов в праздновании XIII годовщины Октябрьской революции в 1930 г. подчеркивались: бездеятельность, недооценка политической важности, немногочисленность или непроведение митингов и демонстраций в дни Октябрьских торжеств и отсутствие на них взрослого населения, «узкое культурничество в содержании празднования, без увязки его с выполнением важнейших хозяйственно-политических кампаний», недо-

⁴⁰ Там же. Л. 811-812.

⁴¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 624-625.

статочная работа шефствующих организаций по закреплению связи с подшефными деревнями и колхозами и недостаточная мобилизация активности колхозников, бедноты и середнячества⁴².

Подготовка и проведение праздника 7 ноября находились под пристальным вниманием НКВД, в его оперативный штаб поступали ежегодные сводки и сплюсобождения о недостатках. В ходе подготовки к празднованию XVII годовщины Октября в 1934 г. отмечалось, что на ряде предприятий, учреждений, вузов Московской области, Ивановской промышленной области (ИПО), Западной области, Средней Азии и др. до 5 ноября подготовка к Октябрьским праздникам в должной степени не была развернута. На ряде предприятий не было принято достаточных мер к художественному оформлению помещений, к изготовлению лозунгов, плакатов и т.д. На некоторых предприятиях и в учреждениях отмечалось наличие задолженности по заработной плате и отсутствие предпраздничных фондов (Москва, Ташкент, Минск, Киев и др.). Среди организационных недочетов по подготовке к параду указывалось на недостаточное комплектование рабочих полков, низкий процент явки на репетиции. Наряду с этим выявлены факты неудовлетворительного хранения оружия, необеспеченности снаряжением и обмундированием. Задолженность по зарплате и недочеты в предпраздничном снабжении отмечались в Москве, Семипалатинске, Горьковском крае⁴³.

Собрать большое количество желающих выйти в праздничные дни на демонстрации было задачей нелегкой, но чрезвычайно важной для советских государственных и партийных чиновников. Многочисленная явка трудящихся на демонстрацию призвана была демонстрировать активную поддержку населением советской власти. Для ее обеспечения велась большая подготовительная работа. Среди причин неявки на демонстрацию рабочих наиболее частым было желание провести праздничные дни дома, в деревне (что было характерно для сезонников, чернорабочих и малоквалифицированных рабочих (1927 г.)⁴⁴ В связи с этим предпринимались разнообразные меры для привлечения рабочих: дополнительные пайки и питание во время демонстрации, организация буфета, продажа дефицитных товаров, за которыми выстраивались очереди.

Тем не менее, всегда находились поводы, которые рабочие использовали в оправдание своего нежелания выходить на демонстрацию, а зачастую под этим предлогом пытались добиться от властей решения своих бытовых проблем. 7 ноября 1934 г. совершенно секретно сообщалось в оперативный штаб НКВД, что по состоянию на 11 час. дня в Краснопресненском районе столицы рабочие силикатного завода явились на демонстрацию в количестве 600 чел. из 1500. Оставшаяся часть рабочих

⁴² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 870.

⁴³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 268-270.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 144.

идти на демонстрацию отказалась, заявив, что у них нет обуви. Кроме того, отрицательно сказывалось на явке отсутствие детской комнаты, где можно было оставить детей на время демонстрации. В организованном буфете цены на продукты оказались слишком высокими (завтрак стоил больше рубля, бутерброды 60-70 коп.) Никакой «культурной работы» среди рабочих не велось. На фабрике «Трехгорка» всем работницам выдали красные платки, упустив из виду 180 работниц, находившихся на социальном обеспечении. В результате последние, явившись на демонстрацию, выражали свое недовольство: «Мы сорок лет проработали, а нам платки не дают»⁴⁵.

Недовольство рабочих наблюдалось и по поводу недостаточного порядка при шествии. Так, в 1929 г. в Харькове из-за нераспорядительности руководителей некоторых колонн, не давшей возможности милиции сдержать напор неорганизованного населения, не доходя до площади, колонны разрывались, смешивались с другими, при этом мощностность и целостность колонн крупных предприятий терялась⁴⁶.

Были и проблемы другого порядка. В Ульском районе Белоруссии было запланировано шествие на «площадь РИКа, но не пошли и, таким образом бывшие на площади человек 100 допризывников и некоторая часть населения ничего не дождалась. В районе целый день и вечер никого из руководителей района не было и Нардом был закрыт на замок»⁴⁷.

Вызывало раздражение обилие портретов вождей. В 1934 г. Я. Кондрунин – возчик фабрики «Сокольнический обойщик» – заявил, как это видно из сводки НКВД: «На Красную площадь я не пойду, нечего мне из себя разыгрывать дурака. Смотреть на живого С... не желаю, насмотрелся и на портреты, а их больше, чем в старое время в домах икон»⁴⁸. Зафиксировано было и высказывание профессора математики института хлебопечения А.В. Смирнова: «Когда же наконец кончатся эти перманентные, казенные манифестации. Советская демонстрация – это именно манифестация верноподданнических чувств, совершенно то же самое, что имело нередко место при Николае. Тогда эти манифестации устраивал “Союз Михаила Архангела”, носили портреты царя, а теперь устраивают то же, но носят портреты С. и др.»⁴⁹

Отмечались и случаи выражения открытого протеста: «Бауманский район. ... В школе № 1 БОНО из 135 чел. собрались на демонстрацию 18. Часть знамен и лозунгов бросили, так как они были написаны на желтом фоне. Директор школы на демонстрацию не явился... Учащийся школы Ерохин, 15-ти лет, отказался нести портрет т. Сталина, указав “Такой

⁴⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 251.

⁴⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 33.

⁴⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 872.

⁴⁸ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 78.

⁴⁹ Там же. Л. 82.

портрет не понесу” (Устанавливаются родители Ерохина)»⁵⁰. Находящийся в колонне демонстрантов фабрики «Парижская коммуна» разрабатываемый УНКВД МО Фукс, указывая на плакат ОРСа, отображающий количество поголовья скота, сказал: “Произошла ошибка, ОРС /п/оказывает, что у него 200 голов скота, а на самом деле этого скота 6000 голов и этот скот гонят на демонстрацию”. За Фуксом установлено усиленное наблюдение»⁵¹.

Особое внимание осведомители ОГПУ уделяли высказываниям, отражавшим отношение граждан к коммунистам и Сталину. Накануне праздничных мероприятий, 29 октября 1934 г., в оперативный отдел НКВДГУГБ поступило сообщение об антисоветских высказываниях инженера химзавода на ст. Кусково Кочеткова, который в тесном кругу друзей-сослуживцев заявлял: «Подходит очередное мученье – день 7 ноября, и на этот раз, очевидно, не найдется человека, из числа идущих на Красную площадь, который бы мог хлопнуть по голове одного из вождей, а ведь стоят они так близко»⁵².

В сводках ОГПУ упоминаются случаи выражения недоверия власти, неприятие демонстрации. Так, например, в сводке № 2 об антисоветских настроениях и высказываниях на 29 октября 1934 г. по Москве приводятся слова служащего И. Рубинштейна: «Наступает праздник Октября, а правительство и не думает об усилении снабжения рабочих. На Красной площади нас заставят кричать “ура”. Это нужно не нам, а главному». А старший консультант НКФ СССР Тулов Сергей Андреевич рассказывал сослуживцам: «На демонстрацию я хожу по принуждению. Соввласть поставила народ в условия, сходные с положением пассажиров на пароходе, хотел бы прыгнуть за борт – вода, тошнит, некуда деваться. Вот поэтому-то и идут на демонстрацию»⁵³. В сводке приводятся слова заведующего производственным отделом 16 московской типографии Ф.С. Иванова-Гаранина, который говорил: «Снова проводят подготовку к Октябрю и перевыборов в Совет. Ведь все равно, хочет или не хочет рабочий, а его заставят насильно пойти на демонстрацию, насильно же заставят поднимать руку на выборах. Провели бы лучше подготовку своевременной выдачи жалованья и продуктов рабочим»⁵⁴.

Информации такого рода много. Одна из сводок об антисоветских высказываниях по состоянию на 31 октября 1934 г. приводит слова сына подрядчика, без определенных занятий Г.С. Баранова: «Противно смотреть на эту подготовку. Настроят украшений, погонят на Красную площадь, и все это для того, чтобы втереть очки иностранцам. Вот мол,

⁵⁰ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 252.

⁵¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146. Л. 253.

⁵² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 70.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 710. Л. 71.

смотрите, как граждане Советского Союза любят свою власть. Наши ослы – руководители страны не знают, что народ голодает и что он ненавидит их. Николай II был ближе к народу»⁵⁵.

В другой сводке упоминается Т.Н. Коробовская, без определенных занятий, проживающая по Марксистской ул., д. № 2/30, кв. 5, которая говорила посетившему ее иностранцу: «Праздник устраивается не для нас, а для баранов. Что это за праздник, когда рабочих насильно заставляют идти на демонстрацию. Рабочие, боясь остаться без работы, поневоле идут. Все эти праздники устраиваются только для показа: “Смотрите, мол, Европа, как мы мощны, как все довольны”. А разве на деле все обстоит так?». А рабочий московского завода «Серп и Молот» В.Г. Барков, сын торговца-домовладельца, высказывался: «Везде насилие и полное бесправие. Перед всем миром большевики хвастаются – “у нас мол свобода”, а на деле хуже крепостного права. Разве не об этом будет свидетельствовать демонстрация в день 7 ноября? Заставят – всем поневоле придется идти на демонстрацию»⁵⁶.

В информационных сводках отмечается пассивность и усталость граждан, обыденность восприятия праздничных мероприятий власти. Сведения, поступавшие из Харькова в 1929 г., свидетельствовали о жалобах некоторых рабочих на продовольственные и финансовые затруднения с вытекающим отсюда пассивным отношением к празднику, но при этом они нередко встречали отпор со стороны массы. В киевской столярной мастерской Индустрия рабочий Савочкин, известный как антисоветский элемент, говорил о том, что годовщина Октября является не рабочим праздником, и что «лучше было бы получить деньги и наесться вдоволь, чем участвовать в демонстрации». Присутствовавшие при этом рабочие ему возразили: «Так, как рассуждаешь, – это не по-рабочему. Мы, рабочие, должны участвовать в демонстрации и показать свои силы международной буржуазии». Забойщик рудника «Красный Профинтерн» Фролов заявил после демонстрации: «Если бы дали закуску и выпивку, то я бы почувствовал праздник, а так только набил ноги, шляясь на демонстрацию». На это старый забойщик Нелидич возразил: «Довольно тебе бузить. Ты хочешь, чтобы был мед, да еще и ложка. Я думаю, что вряд ли среди нас найдутся такие, какие были бы недовольны демонстрацией. Я лично очень доволен праздником. Как он торжественно и радостно прошел. А как вспомнишь эти дни в старое время, так просто не веришь, тому, что произошло» (Рыково)⁵⁷.

В то же время отмечалось пассивное отношение жителей к проведению праздника. Так, в 1929 г. в сводках из Харькова читаем, что «на

⁵⁵ Там же. Л. 74.

⁵⁶ Там же. Л. 78.

⁵⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 813.

вечерах, посвященных Октябрю преобладала молодежь, несмотря на то, что были организованы специальные вечера старых рабочих» (Харьков – Харьковский паровозостроительный завод, Мариуполь – клуб Металлистов, Сумы – завод им. Фрунзе, и др.). Преобладала молодежь и на демонстрациях. Отказ от участия в демонстрации некоторые старые рабочие нередко объясняли тем, что такая форма празднования сделалась слишком обыденной, и требуется иная организация участия в торжествах. А в Киеве рабочие завода «Красный Пахарь» высказывались, что «хождение по улицам уже надоело, демонстрации приелись. Неудобно быть не в рядах демонстрантов, но и демонстрации ничего хорошего не дают»⁵⁸. И в деревне были недовольны такой формой проведения праздника. Свою пассивность крестьяне объясняли тем, что им «надоело ежегодно демонстрировать, нового ничего в этом нет» (1930 г.)⁵⁹

Информаторы обращали внимание на социальный состав участников праздника, отмечая негативную роль во многих случаях администрации и руководства предприятий, а в некоторых случаях – партийных и профсоюзных деятелей. Вот сводка по материалам ИНФО ОГПУ на 10 декабря 1927 г., в которой говорится: «Административно-технический персонал и служащие советских учреждений в праздновании 10-й годовщины принимали слабое участие. В ряде мест на демонстрации присутствовало не более 20-25% служащих совучреждений и адм.-технич. работников (Тула, Ростов, Харьков, Калуга). Исключение составляют студенчество и учительство. Эти группы интеллигенции принимали активное участие как в подготовительной работе к октябрьским торжествам, так и в демонстрации»⁶⁰. Крестьяне-единоличники тоже не участвовали в праздничных мероприятиях, «хотя и не работали под страхом, чтобы не оштрафовали». В сводках по Белоруссии за 1930 г. называется имя середняка Ефима Карамзина из дер. Лесенки Немойтянского сельсовета, который приготовился молотить, но не стал, говоря: «пусть будет не молочено, только бы не попасть под штраф». Хотя многие середняки в этот день работали в скрытом виде⁶¹.

Итак, среди проблем, которые вызывали негативное отношение населения в связи с советскими государственными праздниками в 1920–1930-е годы, можно выделить ряд повторяющихся, общих для рассматриваемого периода: плохая явка на демонстрацию и ее причины; недостатки организационных мероприятий, дополнительные пайки и питание во время демонстрации, участие партийных и советских руководителей в организации и проведении демонстраций, критика праздничного

⁵⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 831. Л. 817.

⁵⁹ Там же. Л. 824-825.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 88. Л. 148.

⁶¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 713. Л. 872.

оформления, в т.ч. и обилие портретов вождей. Собирая информацию о настроении советских граждан, агенты Информационных отделов ОГПУ особое внимание обращали на отношение к коммунистам и Сталину, на оценку дореволюционного периода. В разговорах рабочих и крестьян отмечалось недоверие к власти, случаи неприятия демонстрации в целом, обыденность мероприятий праздника, а также пассивность и усталость населения.

Приложение: Таблица 1. Численность участников демонстрации 7 ноября 1934 года по городам Советского Союза⁶².

Москва	свыше 1 310 000 чел.
Ленинград	1 500 000 чел.
Киев	330 000 чел.
Одесса	225 000 чел.
Днепропетровск	122 000 чел.
Сталино и др. районы Донбасса	300 000 чел.
Челябинск	50 000 чел.
Магнитогорск	45 000 чел.
Златоуст	30 000 чел.
Баку	свыше 10 000 чел.
Тифлис	120 000 чел.
Эривань	20 000 чел.
Сталинград	100 000 чел.
Ташкент	150 000 чел.
Минск	60 000 чел.
Иркутск	35 000 чел.
Красноярск	80 000 чел.
Чита	20 000 чел.
Иваново	90 000 чел.
Курск	20 000 чел.
Орел	52 000 чел.
Воронеж	60 000 чел.
Новосибирск	133 000 чел.
Томск	6 000 чел.
Омск	45 000 чел.
Барнаул	25 000 чел.
Саратов	100 000 чел.
Балашов	20 000 чел.
Казань	80 000 чел.

⁶² Составлено по материалам: ЦА ФСБ. Ф.3. Оп. 1. Д. 710. Л.40.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.
- Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 524 с.
- Севостьянов Г.Н. Предисловие // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934). Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. 156 с.

REFERENCES

- Livshin A. Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii: 1917 – 1932. M.: ROSSPEN, 2010. 344 s.
- Livshin A.Ya., Orlov I.B. Vlast i obschestvo: dialog v pismah. M.: ROSSPEN, 2002. 208 s.
- Pisma vo vlast. 1928 – 1939: Zayavleniya, zhalobyi, donosyi, pisma v gosudarstvennyie strukturyi i sovetskim vozhdym / Sost. A.Ya. Livshin, I.B. Orlov, O.V. Hlevnyuk. M.: ROSSPEN, 2002. 524 s.
- Sevostyanov G.N. Predislovie // Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. (1922 – 1934). T. 1. Ch. 1. M.: IRI RAN, 2001.
- Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD: 1918 – 1939. Dokumenty i materialy: V 4 t. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. M.: ROSSPEN, 2000.
- Surovtseva E.V. Zhanr «pisma vozhdyu» v totalitarnuyu epohu (1920-e – 1950-e gg.). M.: AIRO-XXI, 2008. 156 s.

Барышева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории исторической науки, Российский государственный гуманитарный университет; barysheva.ev@gmail.com

Reverse Side of the Soviet Bank Holiday of the 1920s–1930s November 7 in the Eyes of Contemporaries

The article deals with the problem of attitude of the population in Russia during the first decades of the Soviet power to the authorities' attempts to create the unified emotional atmosphere through public celebrations the public holiday. Archival materials reveal a diverse range of mass ratio to the introduced potestarian ideology. Reports of informers and OGPU personnel, information bulletins about the political mood in society submit a picture of a much more complex dialogue between the authorities and society. Most of the archival materials in this article published for the first time.

Keywords: power, public holidays, demonstration, November 7, the political mood of the population, information bulletins

Elena Barysheva, PhD (History), Head of the Chair of History and Theory of Historical Science, Russian State University for the Humanities, barysheva.ev@gmail.com